
Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Жить по-ангельски — тоже работа:
приспособить для жизни чердак,
думать, что лишь о вечном забота
и спасет твою душу... Чудак!

Что ж, у каждого ангела право
в свете розовом видеть всегда
мир вокруг и звериного нрава
беспробудных героев труда,

знать восторг — с каждым нищим делиться —
и упорно не слышать вранья
здесь себя за птенцов синей птицы
выдающего сплошь воронья...

Только прочим зачем это надо?!
Им, вцепившимся в жизнь на краю,
где вокруг ничего, кроме ада,
ни к чему твоя вечность в раю.

Им бы этой побольше, а впрочем,
если эту отнимут — не жаль.
А твоя человечна уж очень
и для жизни пригодна едва ль.

* * *

А возьмут всех богатых и бросят с обрыва в Tobол,
а потом вознесут нищих духом, пропахших тимьяном.
Я плевал на богатство, но нищим не стал. Мой глагол
умудрялся на то, что имел, быть веселым и пьяным.

В жизни, смертью граненной, запретом подрезанной, я
умещался всегда от и до, как на ложе Прокруста.
Что мне было желать сверх того?! Ведь свобода моя
обитала за гранью, где жизнь — не судьба, а искусство.

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор десяти книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер», «Дружба народов» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Я был там, а не тут. Но когда здесь я все же бывал,
тем, что вынес оттуда, мог мертвого взять за живое...
Что здесь есть от меня? Лишь дебелого тела овал
да движенье души, как раненье груди ножевое.

Все мое уже там — ждет никак не дождется меня.
И когда наползет чернота на картинку экрана,
ничего не проглянет на черном уже иссиня,
разве что мой глагол, воспаленно горящий, как рана.

* * *

Не помнишь, как в энном году,
беспечно забытом тобою,
гулял ты в эдемском саду
в обнимочку с верной рабою?

Твой лик вдохновением рдел,
жар страсти гудел в твоём теле,
любви назревал беспредел...
И очи рабыни блестели!

Потом вы, как воры, вдвоем
цветы удовольствия рвали...
Теперь этот сад вам внаем
сдадут марсиане едва ли.

Теперь ваше дело — труба,
две грядки и дом с мезонином...
и локти кусает раба,
связавшая жизнь с господином.

Теперь вам обоим не лень,
к осеннего неба оттенку
придравшись, то драться весь день,
то лезть целый вечер на стенку.

Ах, все бы вам стулья ломать
и, будней покинув орбиту,
читать до полуночи «Мать»,
совсем как когда-то «Лолиту».

Свет больше не льется из глаз —
иссякла последняя милость,
все прежнее умерло в вас,
ненужное все отвалилось.

Но помнит, пока не зачах,
тот сад молодца с молодухой:
рабыню с лазурью в очах
и рабовладельца под мухой.

* * *

В каком-то убийственном раже
сверкая глазами, как тать,
привстал ты на цыпочки даже,
чтоб птичку за хлястик поймать.

Ну кто она? С крыльями цаца.
А ты — еще тот птицелов.
И значит, куда ей деваться?!
А вот ускользнула без слов.

Что это за страсть — обмануться?!
Придумал такое и рад:
мол, если пернатая в руцех,
то сам уж немного пернат.

И значит, уже, извините,
ты больше ни сеешь, ни жнешь,
лишь крыльями машешь в зените,
считая, что сим проживешь.

Могла бы хотя бы проститься.
Теперь ей кричи не кричи...
А знаешь, когда-то жар-птица
сама мне давала ключи,

и тихо на милость сдавалась,
и нежно за горло брала,
такая ничтожная малость
с железною хваткой орла.

* * *

Кошки старух, как овец одиноких, пасут.
Может, затем, чтоб старуха не смежила вежды
прежде, чем небо пришлет ей повестку на суд
страшный, а все ж не страшнее, чем жизнь без надежды.

Что это, если не сладкий бальзам для старух —
просится кошка когда к ней, мурлыча, на руки?!
Ах, перед кошkinsым, бархатным этим на слух,
не устоять ни одной полноценной старухе.

Кроме как кошкам, кому эти дуры нужны?!
Дети в разводе, а внуки деньгу зашибают.
Нет, со старухами, право, под вечер нежны
только гуляющие кошки одни и бывают.

Кто за кого тут живот свой положит — вопрос.
Я вот, признаться, не знаю ответ. И конечно,

если до сути подобных старух не дорос,
вряд ли поймешь, сколь суть кошки подчас человечна.

Но если кошкам доверил Господь тех овец,
если за этих, несчастных, лишь кошки в ответе,
то человек-то на что Ему здесь, наконец?!
зверя такого почто Он оставил на свете?!

* * *

Ночь в небе крутит медленно
для всех одно кино,
нет для нее ни элина,
ни иудея... Но

глядят на то по-разному
и иудей, и грек,
и даже брат по разуму —
какой-то имярек.

Кино не нужно элину,
ему важнее вино.
А иудею велено
молиться, коль темно.

И только этот братец их
по разуму не прочь
на звезды сердцем тратить,
пока такая ночь.

Разнюнился, как пьяница:
к ним робкою рукой,
глота слезы, тянется,
немислимый такой.

Вином из фляжки греется.
В нем, кажется, весна.
К тому же рядом девица
с ним красная ясна.

Кино на небе нравится,
наверно, лишь тому,
в ком тихо сердце плавится
и зреют звуки му...

С кем рядом красна девица,
умерив сердца прыть,
уж не мычит, не телится
от счастья рядом быть.

Что им, двоим, распутица,
метелица и проч.,
когда такое крутится
кино для них всю ночь?!